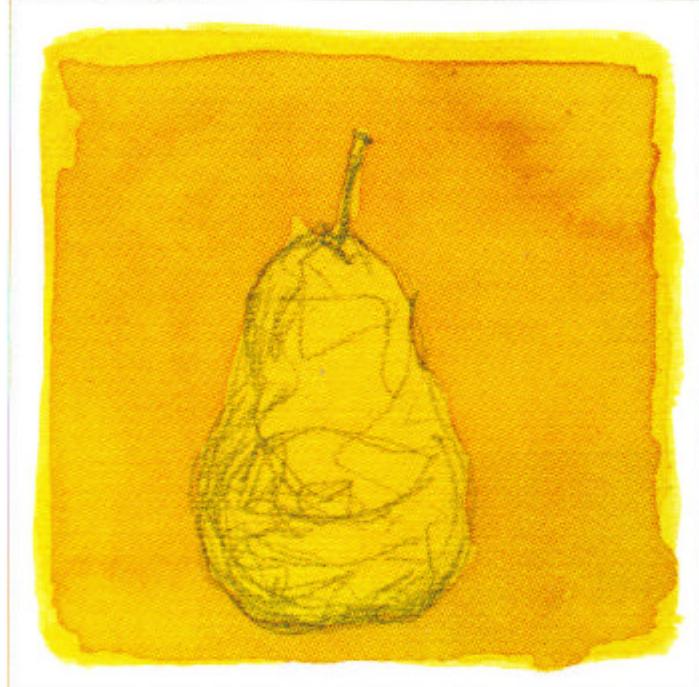

Massimo Catalani

Массимо Каталани

Massimo Catalani

Массимо Каталани. Плоды и розы

BULTHAUP CENTER В ГАЛЕРЕЕ ДИЗАЙНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2006

Массимо Каталани родился в Риме 2 апреля 1960 года. Вырос среди книг, кистей и красок книжно-канцелярского магазина своей матери. После школы поступил в университет на архитектурный факультет. Тогда же начал много путешествовать, знакомясь с выдающимися произведениями мирового искусства.

Каталани закончил университет в 1988 году и на следующий год записался в Гильдию архитекторов Рима. Уже в своем дипломном проекте Каталани начал экспериментировать с художественными смесями на грани живописи, лепки и архитектурной кладки. Сдав государственные экзамены и экзамен на докторскую степень, художник решает, что ему необходим первый артистический «выход».

На первых коллективных выставках он экспонирует картины на «непочтительные» с точки зрения мира искусства и «почтительные» с точки зрения публики темы: макароны с артишоками, артишоки по-римски, плоды кактуса и триптихи красного жгучего перца. На своей первой персональной выставке «Natura Picta» в римской галерее «Roma&Arte» он представляет наственные картины, насыщенные цветами, простые сюжеты на базе неожиданных материалов — шок для мира, находящегося между концептуальностью и минимализмом.

С того момента каждые год или два — новый опыт. В 1993 году в ответ на бомбы мафии в музеях он начал писать курицы. В 1995 году в «Il Polittico» он представляет выставку «Vedo Terra» — образы моря, созданные при помощи разных типов почвы. В 1996 году в S.Maria in Vallicella Каталани представляет выставку «Sento Terra» для видящих и слепых. В 1997 году в Женеве в галерее «Nota Veleno» он открывает выставку под названием «Woman, Just part of her», сфокусированную на женской фигуре. В 1998 и 1999 годах художник дает жизнь проекту «Video Wall» — экспозиция строится по аналогии с телевизионными экранами, но представляет то, что телевидение показать не может, — красоту ничего не стоящего объекта: лимона, пучка лука на синем фоне...

В 2000 году в галерее «Arhus» в Брюсселе Каталани организует представительную выставку-антологию; позднее в нью-йоркской галерее «Pescapallia» он предлагает зрителям «L.I.F.E.» — видение Италии через художественное изображение ее блюд. В августе того же года, во время Всемирного дня молодежи, художник выставляет в Риме, в монастыре S.Quattro Incoronati, свои работы под названием «Simboli Sacri», изображающие хлеб, вино, две рыбины — все копосальных размеров. В мае 2001 года в художественной студии «Campaiola» он дает жизнь выставке «H.P.E.B.», «Hai paura di essere bella?» («Ты боишься быть красивой?»), в которой пыта-

ется придать разам дополнительное символическое звучание — представлять красоту всей живописи вообще. В 2002 году Каталани пишет дерево и приносит его в дар «Gin Charity Gala» в Монтецарло, посвящая произведение жертвам террористического акта 11 сентября. В это же время он готовит выставки на новые сюжеты — «Архитектура» и «Имманентность священного». В 2003 году Массимо Каталани возвращается к теме архитектуры, представив выставку «La mia Roma» в миланской студии «Freutte&Pestalozza». Художник решительно берется за тему интерпретации любовного текста на своей выставке «SMS-TXT. Ermeneutica del messaggio amoroso» («Герменевтика любовного послания»), которая была представлена в римском театре Sala Umberto. Затем следуют другие выставки — в Бельгии, Швейцарии, Корее, России. В настоящее время художник занят подготовкой новых работ, развивающих тему священного и иронического в обыденной жизни.

Маргарита Костриц

МАССИМО КАТАЛАНИ: ИСКУССТВО ОБЫКНОВЕННОГО

Сегодня, когда радикализм художественных открытий стремительно становится историей, понимаешь значимость высокой итальянской культуры, которая не одно столетие держит художников в поле притяжения. Естественно, что так думали русские мастера еще в девятнадцатом веке, видя в итальянской классике образец для подражания. Это притяжение высокого позволило им выдающемуся современному Александру Иванову создать в Италии свои лучшие произведения. Подобные мысли невольно мелькнули, когда я увидела в одном доме неожиданные картины: «Grande Pera», «Peperonchino», «Limone con due foglie», «Uva ogo», «Grappolo d'Uva», «Gruppo di Pomodori»... Кто здесь больше автор — архитектор пространства или художник? Столь естественно и органично разместились «полотна» в просторной белой гостиной. В изображении гипертрофированных перцев, тыкв, груш не было гастрономического начала, не было и так естественной здесь рекламной оболочки, но прочитывался известный рационализм и архитектоника формы. Формы, словно экран дисплея, передающей особенности понятного для нас художественного диалога: итальянское классическое — итальянское современное. Позже, когда я познакомилась с другими работами художника, стало очевидно, что они суть единого целого, пространства и своеобразного арт-объекта — картины, где все подлинно, все в равновесии с традицией, но адресовано в современность. Так возникла идея выставки Массимо Каталани в bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург. Получилась выставка-размышление об узнаваемом и обыкновенном в нашей жизни, претворенном в категориях универсальных художественных образов итальянского мастера.

За стеной известных миру радикальных художников существуют мастера своей «территории», где всегда есть соприкосновения с нитью классического. Смысл «территории» Каталани — в поддерживании классики «жанра», связывание прошлого и настоящего. Но в его натюрмортах скорее культивируются другие мотивы — мотивы возникновения жизни, переход в новое материальное качество «объектов» натуральной природы. Для выставки мы выбрали, быть может, наиболее естественную для художника материю — плоды. Но разместили их в пространстве Галереи среди предметов дизайна, иными словами, в нашем пространстве жизни. Несмотря на неожиданность такого решения, реальность формы и формы реальности своеобразно дополнили друг друга. Реальность художника — это возникающий в пространстве объект, смысл которого — в сфокусированном внимании на строении монументальности, на значимости обыкно-

венного в мире природы. Большая «Тыква» среди предметов кабинета известной испанской фирмы «Tresserra», сияющие красные пятна помидоров, перекликающиеся с цветными объемами стекла «Venini», или «Роза» на фоне простой кирпичной кладки в соседстве с произведениями законодателя мод, итальянской фирмы «Zanotta», сделали это пространство художественно значимым. Для художника главное — не новизна «жанра» (его истоки простираются от натуральной школы до метафизиков XX столетия), а определенный взгляд на структуры природы. Но с другой стороны, природный «материал» — это всего лишь овощи прекрасной и изысканной итальянской кухни. И в этом смысле объекты Каталани есть своеобразная акция, иронизирующая по поводу нашего общения с природным миром. И неизвестно, что преобладает в нашем восприятии — рисунок как таковой или тактильность природных материалов (особые смеси натуральных пигментов: речной песок, каррарский мрамор, известковый туф и т. д.), дающих своеобразную фактуру и окраску, несущих тепло и колорит этих мест. Природные материалы здесь не изображаются — они сами строят и возводят форму как реальность. Где-то, как, например, в работе со сверкающим неожиданными оттенками песчаников, почти барельефным «Перцем» (1995), эта реальность все же больше адресована в прошлое жанра и изобразительных техник. В других случаях, когда пространство картины составлено из больших экранов, плоды художника почти имитируют новые медиа. Но всегда выстроенная подобно классической архитектуре форма здесь чувственна и осозаема. Она возникает на фоне — экране, как будто входя в наше пространство.

Этот посыл художника мы использовали, выстраивая экспозицию и сопоставляя фактуру его произведений с новейшими материалами (металл, стекло, пластмасса, ткани) в предметах дизайна Галереи. Подобные сопоставления, столь естественные в итальянской художественной среде, совсем нехарактерны для русской традиции, где понятие картины — всегда особый мир, противоположный реальному. Исключение составляли лишь десюдепорты, «обманки», созданные русскими художниками для украшения интерьеров в XVIII столетии. Напротив, мир материального и повседневного в итальянской традиции на протяжении истории совершенствовался большим искусством и дизайном. Достаточно вспомнить работы крупнейших художников нового времени, например Микеланджело Пистолетто с его яркой, выразительной предметной реальностью изображения или сфокусированные на приближенной оптике картины Доменико Ньолли. Предметные миры Массимо Каталани — в их числе.

Входя в наше пространство, цветы, плоды, строения, облака, фигуры моделируют и преображают его, неся постоянно меняющиеся ощущения предметного и художественного. Может быть, в этой развернутости образов вовне и заключена точка коммуникативности, которую отмечают итальянские исследователи. Неслучайно произведения Каталани создаются темами: образ, найденный художником, — своего рода микрокосм, и в каждой из тем этот микрокосм по-разному обращен к зрителю. В данном контексте еще одним несомненно интересным для показа сюжетом может стать архитектура. Другая по интонациям, серия почти монохромных архитектурных изображений удивляет своей органичностью техники и характера рисунка. Таков цикл, посвященный Риму. В своей загадочности и недоговоренности он воспринимается противоположностью остальному. Рим Каталани — это не красота архитектурных стилей, выдающихся памятников истории или шедевров современности. Здесь современно или, скорее, вне времени все: исторические виллы, обелиски, вокзалы. Проще было бы сказать, что это взгляд архитектора, делающего свой проект для «подачи» («отмыкну», как говорят в России). Farnesina, Termini, via Gipletti, Ponte 28 ottobre, архитектурные детали или фрагменты зданий, — это город, как будто не существующий. Строгая, не знающая предела мощь материалов и бесконечное соотношение пропорций преподносят нам другую архитектурную этику. Она — как объективный взгляд дизайнера, отмечаящий все случайное, сконцентрированный на экспрессии форм. Форма, созданная почти что в реальной массе живого материала (песок, цемент, клей, мраморная крошка), отрицают окраску и цвет, оставляя лишь место под цветке. Различные цветовые тональности моделируют эту форму на свой лад, придавая изображеному образ загадочных архитектонов.

Архитектура, природа, как и другие циклы, почти всегда представляют стремление художника к простоте и ясности, к некоей «первоформе» вещей. Она существует в полюсах «высокого и низкого», которыми пользуется искусство новейшего времени, постоянно меняя эти полюса местами и создавая образы, подобные самой жизни. Искусство «обыкновенного» Массимо Каталани не переступает эту грань — оно заключает в себе новое возвращение картины, где тесно переплетаются возможности обращения к традиции, история жанра, особенности художественного языка и многое другое. Все это составляет особую прелест итальянских циклов художника. Знакомство с ними в Петербурге только начинается.

Джанлука Марциани
НАТУРАЛЬНАЯ ПРИРОДА

Оживить живопись душой природы. Показать фрагменты жизни посредством органической силы живой материи. Массимо Каталани с намеренной одержимостью выбирает пульсирующие жизнью мотивы, создавая произведения, которые деталь за деталью берут в фокус живую, растительную часть действительности. В повседневной работе Массимо Каталани я всегда отмечал его искрящийся пыл, неистовую гонку за тем, чтобы успеть выхватить из реальности элементы архитектуры, образы овощей, изображения человеческого тела, животных — в общем, малую толику всемирного достояния, фрагменты действительно обезоруживающей обыденной жизни. И эта повседневность настолько прозаична, что становится единственной, незаменимой, подходящей для любого взгляда извне, узнаваемой в этих предметах, рассеянных по холсту или по доске. Неистовство автора чувствуется в диалоге, который он ведет со зрителем, где мысли цепляются друг за друга, как звенья одной цепи, в море идей, выраженных скрытым языком, в неисчерпаемых проектах, в ритме его занятий и задач, которые и являются собой его жизненный уклад. Но больше всего эта страсть автора прослеживается в его произведениях: образы малых и больших форм входят в наше окружение, делая правдоподобной природу, сливающуюся в едином контексте на грани барельефа и живописи, архитектуры и скульптуры, узнаваемости и полета фантазии.

У Массимо Каталани диплом и профессиональная карьера в области архитектуры. Что, может быть, мало о чём говорит с точки зрения живописи, но много — с точки зрения классификационной жесткости, с которой он зондирует формы реальности. По сути, возводить здания означает использовать сырье, базовое по форме и статусу: железо, цемент, стекло, древесина, камень, — придавая ему завершенную архитектурную форму. Массимо Каталани, соблюдая меру, переносит этот алгоритм в создание словаря своих художественных образов, где сырье — земля, песок, цемент, пущолан — используется для возведения на плоскости двухмерной проекции реальности. Теперь художник уже далек от своей профессиональной сферы архитектора, и, возможно, именно в этом состоит его интуитивная и инстинктивная удача, построенная на концентрации на его главной способности — к образному синтезу.

Итак, значение архетипа, который представляет в нашем изобразительном искусстве Массимо Каталани, неоспоримо. Формальный и конструктивный подход, переопределяющий наш взгляд на картины, изменчивая природа

образов и этика, стоящая за сводом правил и понятий. В эстетическом плане автор сохраняет независимость от современных течений художественного сенсационизма. Скорей наоборот, мы чувствуем ту бесконечную чистоту, с которой автор утверждает себя в мире, а также внутри самих картин. Сейчас не каждому дано построить среди моря принципов современного искусства профиль своего собственного, всегда узнаваемого архетипа. Искусство Массимо Каталани может нравиться или нет — это совершенно правомерно и субъективно; объективно же нельзя не признать его роли первооткрывателя в тех областях, куда другие еще не ступали.

Но вернемся туда, откуда все началось. Массимо Каталани вовсе не отрекается от своих изысканий в области живописи и литературы, фильмо- и фотографии. Почва, на которой он взращен, хранит воспоминания о плодовитом итальянском прошлом. Это тот тонкий слой, который заставляет художника обратить взгляд в сторону жанров изобразительного искусства. Для Каталани история представляется невидимым клубком, который ведет его за собой по пути, пролегающем от одного выбора к другому, от одного синтеза к другому. Этот творческий шар состоит из теста, замешанного на пейзажах, портретах и натюрмортах, что не случайно, поскольку и в традиционном, и в современном искусстве они являются собой тройной диапазон мировой иконографии. Это три мира, где становится совершенно естественным ненавязчиво «упоминать» других, как бы в подтверждение того, что культура жанров требует постоянного и молчаливого фильтра — прием, основанный на интуиции и интеллекте, результат подхода каждого к обычной жизни.

Вместо того чтобы ссылаться на тех, чьи произведения угодили бы любому вкусу, мы упомянем здесь некоторые имена, которые позволили бы проиллюстрировать равновесие, существующее между прошлым и настоящим. Не колеблясь, начнем с натюрмортов Караваджо, с этого маяка реализма, позволяющего почувствовать запах лимонной корки, услышать шорох семечек, ощутить вкус перезрелых фруктов. Те же самые фрукты, написанные более утонченно и возвышенно, мы видим в композициях Феде Галиции, художницы XVII века, воспевавшей целомудренную красоту обычных вещей, взвышенный эротизм овощей и их мощную чувственность, отображающую жизнь человека через жизнь растений. Невозможно не упомянуть затем Арчимбольдо с его коллажной иронией, с его перевертыванием обычного внутри обычного. Лица людей составлялись из фруктов и овощей по их чисто конструктивной схожести, и два

жанра — натюрморт и портрет, — сливаясь в одном, представляли собой неклассифицируемый архетип органической сублимации. На помощь нам приходит и Клас Ольденбург, мастер поп-скульптуры, который увеличивает и делает пластичными реальные предметы, подстегивая фетишизм в отношении чрезмерности обыденного. То же самое можно сказать и о Даниэле Споерри, о его подвешиваемых на стену скульптурных коробочках, в которых мы находим запечатленными навеки остатки обеда — в доказательство того, что достаточно посмотреть на мир под другим углом, как все сразу изменится, а вещи приобретут невообразимые и ошеломляющие формы. Мне вспоминается также и «Георгика-2000» Доменико Колантони — цикл произведений, некоторые большие полотна которого представляют собой натюрморты на фоне сельских пейзажей. Мысленный скачок, оставляющий реальное реальным, но меняющий его традиционную перспективу. Именно здесь мы обнаруживаем ключ к пониманию Массимо Каталани, одержимости его мира: путешествие в прозрачной трубе обыденного, переход от жизни к картине без каких-либо гиперреалистичных отклонений. Формы перетекают из объемного в двухмерное пространство особым дереалистичным способом, напоминая нам о том, что первичная субстанция мира может получить свою новую, не менее живую форму на полотне. Таким образом, изобразительная узнаваемость вещей достигается не путем имитации через использование масляных или акриловых красок, а переносом скелета предметов (смесь земли и песка) на новый скелет картины. Реальность спускается с уровня имитации, дабы вступить в органическую сублимацию — только она способна ухватить дереалистичный процесс живописи. Реальность перематывается вспять, чтобы начать расти, возвращается к детскости формы, чтобы придать ей зрелую версию современного подхода. Список имен и наиболее значительных событий можно было бы продолжать до бесконечности, а также искать (в работах Каталани) новое философское содержание. Однако в основе всего остается экспрессия — наверное, наиболее подходящее слово для характеристики творческого пути Массимо Каталани.

Натуральная природа приемов художника придает его картинам демократичное измерение. Да, высоко и логично демократичное. Несмотря на мнение тех, кто постоянно меняет свою точку зрения, несмотря на их снобизм, повышающий их же невротическую температуру, я нахожу идеальным союз между эрудированной культурой и демократичным общением. Я чувствую, как «народность» словно загар прилипает к коже картины. Это создает

первый коммуникативный уровень картины — тот, который непосредственно касается зрителя. Отсюда проглядывают следующие слои, те, что скрыты за формой, за метафорой и аллегориями, за цветами и вариантами оттенков, за выбором каждой материи и валентностью целого цикла.

Девять циклов вмещают более десяти лет работы. Девять этапов, которые развивались в беспорядочной и пересекающейся манере. Речь идет не о завершенных циклах, точно ограниченных во времени, а о длительном и неудержимом процессе дополнения, экспериментирования, изменения, пересмотра. В этих девяти сегментах, которые пахнут жизнью, страданием, ростом, болью, любовью, Массимо Каталани воссоздает целостную картину мира.

В конце концов природа остается той же самой. Она возвращается к своему взрослому примитивизму, избегая каких-либо ядовитых компромиссов. Натуральная природа — связь между девятью частями мира, который пока что остается нашим и где нет места ничему искусственноному. Наконец именно природа лежит внутри нашего будущего, сохраняя память о прошлом.

ЖИВОТНЫЕ

Песчаный состав материала подчеркивает смысл живого в этой натуральной природе всех девяти перекликающихся между собой циклов, которые включают в себя как людей, животных и растения, так и места, созданные людьми, служащие для живых существ и помогающие гармоничной организации мира. И вот на творческом пути автора появляются животные. Бестиарий, рассказывающий что-то о своем личном видении, о своем жизненном росте, о том, как осторожно он проявляет себя в реальной жизни. Никакой риторики в инстинктивном взгляде, в звериных позах, в маленьких кадрах, в которых животное внезапно фокусируется и очеловечивается в тот момент, когда зритель ассоциирует себя с ним. Природа проявляется здесь так, как и должна, истинной и поэтической, не впадая при этом в эмоциональный шантаж.

АРХИТЕКТУРА

Панорама архитектурных пейзажей Каталани раслахнута всему миру, но предпочтение все же отдается Риму с его историей жутких наслаждений, невозможным стремлением к совершенству, силой камня, опьяниенного необычным освещением. Здесь чувствуется дух той этики, которая отдает предпочтение архитектурной морали,

не заботясь о веяниях моды, в пользу стиля, строгости и эстетики, становящейся законченной целью. Рационализму фашизма школы Пьяченцини только и оставалось, что направлять путь художника. На его картинах появляются белый мрамор и пущолан, известковый туф и речной песок — живой материал, которым питается Рим, за пределами каких-либо иллюзий, внутри жизни метрополии, делающей его беспокойным, но необычным, абсурдным без провинциализма, катартическим, как все то, что остается вечным по своей природе.

ФИГУРЫ

Здесь выбор Массимо Каталани падает на чувственность и эротизм. Художник мягко и мастерски скользит взглядом вдоль женского тела, запечатлевая поверхность кожи и знакомые формы. Изображенные фигуры имеют скрытые позы, угловатые изгибы, странный экстаз, что придает коже изменчивый рельеф, как, впрочем, и те материалы, которые порождают саму живопись. Женское тело, помимо внешних своих привлекательных признаков, подтверждает тот факт, что натуральная природа — это постоянно развивающаяся игра между зрителем и его подсознанием, то, что сохраняет наше единство, оставляя нетронутыми наши инстинкты и гибким наш разум. Может показаться невероятным образ женщины, созданный из песка и окрашенной почвы — материалов грубых в противоположность головокружительной телесности. И все же это срабатывает. Наша смесь становится мягче и улавливает регенеративные свойства тела и его внутреннего духа.

ОБЛАКА

Пейзаж демонстрирует здесь решительное абстрагирование художника, его радикальную готовность к мистицизму ассоциативной природы. Облака бегут по небу, как пятна безудержных, шелковистых и в некоторых местах приглушенных мазков, хаотичных там, где неосязаемая материя внезапно требует плотности. Это самые необъяснимые произведения художника, где взгляд поднимается ввысь, проникая вглубь диких уголков души, в тайну, окружающую апофеоз природы. Процесс живописи трансформируется в продолжительную сакральную энергию, податливый бальзам, позволяющий совершать мистические скачки, невероятные сны, пиндарическое парение внутри физического притяжения жизни. Облака по своей природе тают, а вот живопись может сделать их неподвижными, вечными — синтезирующей властью изобразительного искусства. Таким образом, художник обозначает границу и пути ее преодоления через поэзию взгляда и через эмоции мысли.

ПЕЙЗАЖИ

Использовать почву и песок оттуда, откуда происходят изображенные уголки природы. Смешивать цвета и оттенки в мягкую пастообразную смесь для выбранных пейзажей. Никакого намека на сталь или цемент в выбранных им пейзажах. Напротив, натуральная природа переживает эмоции цветовой атмосферы, которая ведет нас через ласкающие взор пространства, далекие от больших городов, скоростных трасс и объездных дорог. Мир Массимо Каталани делается более плоским посредством используемых цветов, чтобы раскрыться затем перед глубокими корнями памяти, перед притяжением тишины, вызывающим из памяти абсолютную силу вещей. Пейзажи притягивают взгляд и возвращают нам настоящий, но неизвестный рельеф, запоминающийся, но ускользающий, как проблеск чужой фотографии. Достаточно пробежать взглядом по картинам, чтобы понять, что эти места имеют какой-то свой уголок в нашем ДНК. Мы точно не знаем, где они находятся, однако чувствуем в них места, в которых ранее бывали. И здесь, как это всегда происходит с мысленной живописью, затрагивается проблема эмоциональной видимости образов.

БЛЮДА И К°

Блюдо является и емкостью, и прежде всего содержимым памяти. В торжественном порыве макароны подняты до королевского ранга. Объект фетиша ставится в центр на блюде с разными макаронными изделиями, и благодаря намеренно рассчитанной перспективе наш рот наполняется слюной от желания их попробовать. Мы без колебаний превращаем макароны со средиземноморским вкусом в икону, и они воссоздают свой кулинарный путь, где благодаря иронии визуальных размеры блюда увеличиваются, стимулируя поп-экстравагантность живописи, которая остается материальной, приземленной, чрезвычайно привязанной к моральной почве артиста. Массимо Каталани делает огромным блюдо «Паста а-ля Кекка», «Паста-аль-Суго», «Качо-э-Пепе» или «Паста-кон-ле-Джеме». Художник всерьез играет с распространенными культурами великолепных кушаний, где элементарность совершенства состоит в том, чтобы при минимальном сочетании ингредиентов создавать отличную еду. Пища возвращается к своему статусу иконы, возвышенному и торжественному, после того, как ее вновь поместили в центр сцены. Она подсказывает нам, что достаточно было форсировать риторику современных жанров, дух загрязненности средств массовой информации, культурную границу между высоким и низким. Если призадуматься, последние двадцать лет предлагают нам множество перспектив, точек, откуда

мы можем взглянуть на объекты обыденной жизни.

Массимо Каталани «просто» сделал это, перенеся привилегированные ценности обыденной жизни в категорию универсальных ценностей художественного образа.

ПОРТРЕТЫ

В этом цикле выбор первого плана или поясного портрета связан с выбором наиболее подходящей для моральных целей артиста истории. Мы видим здесь друзей и знакомых Массимо Каталани, настоящие лица с искренним взглядом и такой же искренней мимикой. И мы понимаем, насколько внимателен художник к человеческим отношениям, к обмену взглядами, что и выражается в его живописи, непосредственной и без сценического лицемерия. Портретизм Массимо Каталани не предполагает карамельных оттенков, а основывается на буквально телесной материальности. И как это происходит с облаками и розами, лица неожиданно раскрываются нам в образе, созданном посредством органической материи самого природного пейзажа.

РОЗЫ

Цветок чудес, символ человеческой страсти, объект мистерии, который очаровывает и благоухает — роза была и будет эмоциональным архетипом флоры, самым интересующим и сложным среди наиболее популярных цветков. Ее цвета являются тем первичным колоритом, при помощи которого мы даем определение самой природе. Это то, что в действительности приводит нас к биомеханизму, к которому принадлежат все девять циклов, к этому синониму визуальной жизни, и еще к одной тайне — непрерывному потоку и непостижимому сдержанию. Красный цвет становится «революционным» началом, охватывающим все, придающим живописи знак глубокой страсти к жизни, к сильным чувствам, к любви как первопричине. Роза обвивается вокруг полотен и рамок, выплескивается наружу как монохромное тело, посредством четких густоков материи располагает слоями свои мембранны. Становится началом и концом тематической призмы, вневременным символом идеи, одержимой и радикальной, сентиментальной и последовательной.

РАСТЕНИЯ

Пристрастие Массимо Каталани к фруктам и овощам ускоряет понимание глубинного значения всего проекта. Артишоки, лимоны, кисти винограда, красный жгучий перец, помидоры — это первичная материя, которую мы чаще всего видим на его картинах. И выбор здесь не случаен — речь идет об архетипах итальянской еды,

живых символах не похожей ни на какую другую кухни. Артишок — изысканный овощ, вкус которого ни с чем не спутаешь; лимон — королевский фрукт, впитавший среди земноморское тепло; виноград — отзвук деревенского лета, где рождается вино; красный жгучий перец — основная эйфорическая приправа; помидор — магнитная сердцевина блюда из макарон. Мы больше рискуем впасть в риторику, рассказывая об этих растениях, нежели рассматривая их художественное изображение. Надо бы взглянуться в них без слов, повернуть в руках, поставить на стол, изучить их до конца. Не для того, чтобы понять их биологическое развитие, а просто потому, что внутри этих форм заключено искусство жить хорошо. Жизнь всегда выше какой-либо истории искусства и всегда побеждает в соперничестве с чем-либо, пытающимся повторить всемирную силу генетического воспроизведения. Массимо Каталани подтверждает этот факт в любом своем произведении, в любом цвете и смесовой основе своих картин, в любом кажущемся повторении. Мир, заключенный в лимоне или в артишоке. Мир как лимон или артишок. Я бы сказал, вопрос только в перспективе и задачах. Вопрос в том, откуда смотришь...

Сабрина Ведовотто
ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА К МАССИМО КАТАЛАНИ

Сабрина Ведовотто: Уже прошло много лет с тех пор, как Вы связали свою жизнь с миром искусства, и Ваши произведения с течением времени претерпели много изменений. Изменились сюжеты, размеры картин... А приемы?

Массимо Каталани: На самом деле я никогда и не пользовался одной-единственной системой, а на протяжении всех этих лет постоянно экспериментировал, комбинируя различные варианты. Я начал работать в 1988 году, смешивая пигменты с виниловым клеем и изображая в основном архитектурные композиции, которые я, кстати, никогда и не выставлял; а с 1992 года начал включать в состав краски белую пыль каррарского мрамора — строительный материал, продаваемый в специализированных магазинах. Так получился песчаный состав, содержащий мраморную пыль, пигмент и виниловый клей. Этот состав я применяю чаще всего. В 1994 году я начался искать новую основу, в частности стал пробовать римский песок, песок Тибра, морской песок, глину с прилегающих к морю территорий. Всякий раз как я организовывал где-нибудь выставку, я старался использовать местную почву. Напри-

мер, для выставки в Генуе в 1995-м я взял за основу генуэзскую почву. Я продолжал все смешивать вплоть до выставки для слепых в 1995 году, когда используемый мной песок имел разную гранулометрию: с идеей чего-то гладкого я ассоциировал тонкий песок, а для передачи темных цветов я включал в состав песок с более крупными шершавыми гранулами. В тот же самый период мне пришла в голову идея с рамой на основе особой техники римской листовой позолоты XVI века — эти рамы я сделал из дерева и покрыл их болонским гипсом и kleem на животной (кролик) основе. Затем, с 1997—98 годов, я стал сотрудничать с римскими ремесленниками-золотарями, благодаря чему на свет появилась картина «Груша», написанная на серебряной фольге. Она создана вопреки классическим канонам, так как имеет гипсовый фон, который я называю рукотворным, поскольку он сделан вручную в манере почти что первобытной.

С. В.: Кроме того что вы художник, Вы еще и скульптор. А в этой области Вы все-таки остались верны традициям?

М. К.: Я архитектор, и поэтому я посещал и продолжают посещать строительные площадки, а для своих скульптур я всегда использовал сипорекс, то есть пористый цемент, применяемый при реставрации.

С. В.: В картине с двумя картами внутри кувшинки Вы использовали один из перечисленных Вами приемов...

М. К.: Нет, там я использовал раствор белого мела на бумаге, являющейся подложкой для обоев, а поверх идут акриловые краски.

С. В.: Все эти приемы являются новаторскими и резко отличаются от классических. Вы полагаете, что традиционная живопись не подходит для Вашей работы, или же Вам хотелось поэкспериментировать?

М. К.: Причина проста: у меня нет классического образования, то есть я не заканчивал ни художественного лицея, ни академии художеств. Таким образом, я хоть и не самоучка — все-таки я архитектор, — я не прослушал академического курса живописи и посему в свои художественные поиски привношу часть культуры, берущей свое начало на римских строительных площадках, связанных с реставрацией. В тех редких случаях, когда я использовал традиционную технику, у меня ничего не получалось; я не умею писать маслом, а когда это делаю, то результат получается отвратительный.

Большая мандала

Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 252 x 252 см

Апельсин с двумя листьями
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
62 x 84 см

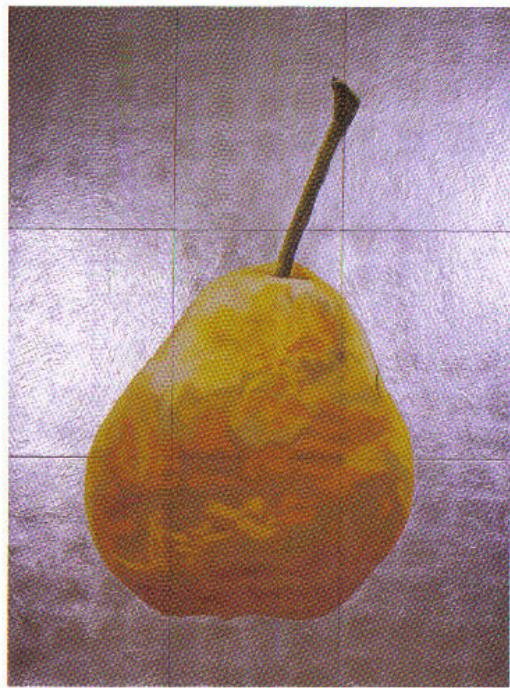
Гроздь помидоров
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 185 x 185 см

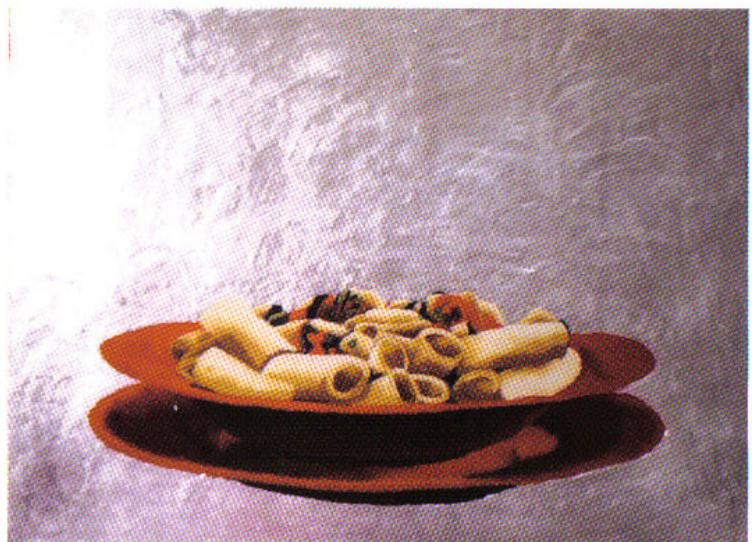
Лимон с одним листом
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
123 x 168 см

Роза + Роза
Земля, мраморная пыль, пигменты. 186 x 125 см

Груша
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
185 x 255 см

Помидор и базилик
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 84 x 61 см

Красный перец
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 150 x 50 см

Роза

Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 38 x 62 см

Мандала артишока
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 120 x 120 см

Мандала розы
Золотая фольга, мраморная пыль, пигменты. 58 x 57 см

Роза Баккара
Золотая фольга, мраморная пыль, пигменты
30 x 40 см

Роза Баккара
Золотая фольга, мраморная пыль, пигменты. 150 x 150 см

Пучок репчатого лука
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 62 x 84 см

Пучок репчатого лука
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 150 x 95 см

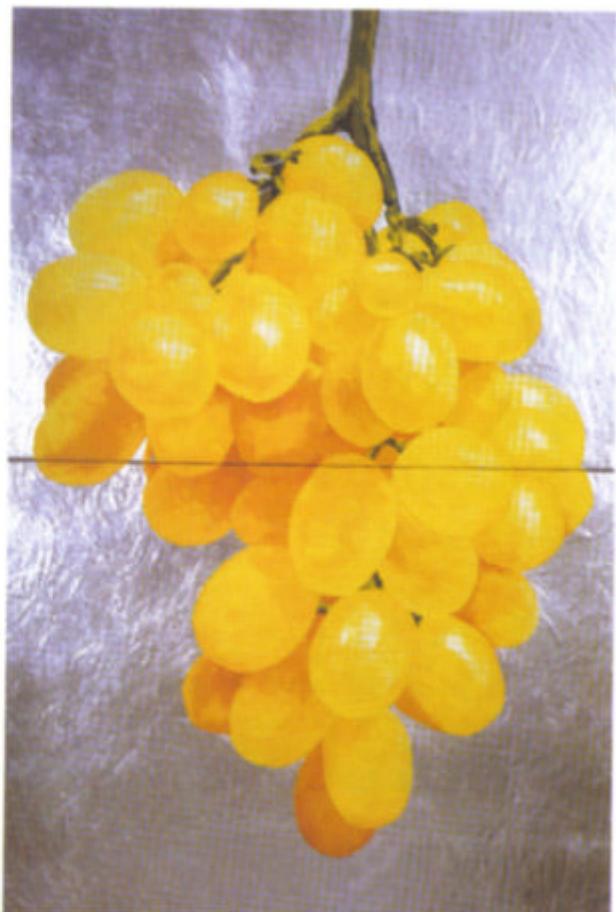
Тыква
Дерево, мраморная пыль, черный песок, пигменты. 86 x 62 см

Виноград Италия
Дерево, мраморная пыль, пигменты
62 x 124 см

Триумф красных перцев
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 255 x 183 см

Виноград Мускат
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
84 x 122 см

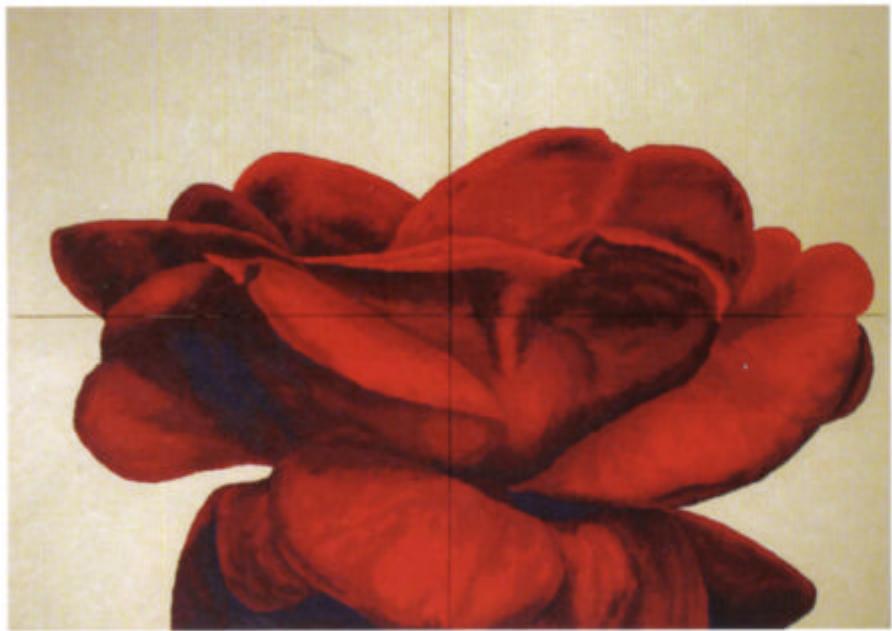
Тыква VW
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 225 x 183 см

Триумф цветков тыквы
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 183 x 183 см

Лимон с тремя листьями
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 84 x 62 см

Красная роза
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 173 x 124 см

Красная роза
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
39 x 30 см

Триумф красных перцев
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 188 x 126 см

Гранат
Золотая фольга, мраморная пыль, пигменты. 150 x 150 см

Тыква
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 90 x 50 см

Паста-аль-Сugo
Дерево, мраморная пыль, черный песок, пигменты. 84 x 62 см

Роза
Дерево, мраморная пыль, пигменты. 120 x 120 см

Виноград Уветта 2
Дерево, мраморная пыль, черный песок, пигменты

Гроздь помидоров
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
183 x 255 см

Гроздь лимонов
Дерево, мраморная пыль, пигменты, 122 x 122 см

Большая тыква Альджида
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты. 255 x 183 см

BA-FS
Дерево, мраморная пыль, песок, пигменты
63 x 83 см

Рим. Марио Ридольфи
на Пьяцца Болонья
Дерево, мраморная пыль, песок
64 x 125 см

Рим. Водонапорная башня Маццони
Дерево, мраморная пыль, песок
25 x 40 см

Чан, малый чан и пальмария
Дерево, мраморная пыль, земля. 120 x 100 см

Дерево
Алюминиевая фольга, мраморная пыль, пигменты
30 x 40 см

Открытие выставки
МАССИМО КАТАЛАНИ «ПЛОДЫ И РОЗЫ»
в bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург

Слева направо:

Линда Мак Колл Риччи

Марко Риччи
генеральный консул Италии в Санкт-Петербурге

Фаддей Перлов
технический директор bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург

переводчица

Массимо Каталани

Лина Перлова
генеральный директор bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург

Маргарита Костриц
руководитель отдела новейших течений Государственного Русского музея

bulthaup center
в ГАЛЕРЕЕ ДИЗАЙНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

МАССИМО КАТАЛАНИ. ПЛОДЫ И РОЗЫ
Альбом к выставке, проходившей
в bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург
2003 – 2004

Издание подготовлено
bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург
при поддержке Генерального консульства Италии в Санкт-Петербурге

Руководитель проекта: Лина Перлова
Составление: Маргарита Костриц, Светлана Марченко
Перевод: Наталья Обухова
Редактор: Светлана Жаворонок
Дизайн: Наталия Хвостова

bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург
выражает благодарность госпоже Линде Мак Колл Риччи

bulthaup center в Галерее Дизайна Санкт-Петербург
Санкт-Петербург, Большая Конюшенная ул., 2
Тел.: (812) 336 30 03
Факс: (812) 315 01 13
E-mail: bulthaup@bulthaup.spb.ru